

В этот момент Бай Юэцзэ уже смеялся без тени приличия, едва удерживая в руках чашу с лекарством. Цянь Хаои, увидев это, на мгновение застыл, его сердце пропустило удар. Внезапно ему показалось, что они снова вернулись в ту ночь, проведённую на дереве в Западном военном лагере Лян — Бай Юэцзэ с лицом, словно высеченным из белого нефрита, с губами цвета киновари, с узкими глазами, изогнутыми как два полумесяца на небе, окутанный лунным сиянием, с его телом, хранящим их общую плоть и кровь, казался существом, не принадлежащим этому миру...

Цянь Хаои покраснел, больше не в силах сдерживаться, мягко притянул Бай Юэцзэ к себе и глухо произнёс:

— Юэцзэ, я даже не знал, что лекарство, которое ты пьёшь каждый день, такое горькое... Я не знал, что ты ради меня испытывал чувства и носил нашего ребёнка... Я не знал... что ты так глубоко ко мне привязан... Юэцзэ, я, Цянь Хаои, умоляю тебя, останься со мной навсегда, на всю жизнь...

— Юэцзэ, я, Цянь Хаои, умоляю тебя, останься со мной навсегда, на всю жизнь...

В комнате мерцал свет свечей, за окном свистел холодный ветер. Внутри было тепло благодаря хорошо натопленной печи, и это делало комнату ещё уютнее на фоне внешнего холода.

Бай Юэцзэ смотрел на свечи, слушая завывание ветра за окном, и молчал. Его профиль отражался на окне, как красивая силуэтная картина.

Цянь Хаои не торопил его с ответом, лишь крепче обнял.

Уже давно прошла четвёртая стража, и хотя оба провели в волнениях большую часть ночи, они не чувствовали сонливости. Цянь Хаои обнял Бай Юэцзэ, и они просто тихо сидели, прижавшись друг к другу.

— Юэцзэ, ты знаешь, почему я тогда отправился в У изучать боевые искусства?.. — Цянь Хаои говорил, не глядя на Бай Юэцзэ, а лишь уставившись на отражение в окне.

Бай Юэцзэ задумался. В то время он знал только, что в императорском доме Лян шли внутренние распри, и Цянь Хаои, оказавшись в опале, был вынужден отправиться в У. Но конкретные причины ему были неизвестны. В тот год, когда Цянь Хаои женился на Бай Цзыюэ, они редко открывались друг другу. Если Цянь Хаои не говорил, Бай Цзыюэ и не спрашивал.

Цянь Хаои продолжал смотреть в никуда, словно давно сдерживаемые воспоминания готовы были выплеснуться наружу.

Бай Юэцзэ, прислонившись к плечу Цянь Хаои, молча слушал.

— Моя мать и её родственники жили на северо-западе. Их было немного, но они были известным кланом в степи. Матери было шестнадцать, когда она стала наложницей отца. В то время отец был всего лишь младшим принцем Лян, не имевшим прав на престол, а моя мать уже была знаменитой «Ноэнжия» по всей степи...

Цянь Хаои посмотрел на человека в своих объятиях и улыбнулся:

— Ты знаешь, кто такая «Ноэнжия»? Это то, что вы, ханьцы, называете первой красавицей. В детстве дед и сестра рассказывали мне, что за мамой ухаживали знатные люди со всей степи,

их очередь тянулась до подножия Тянь-Шаня. Они дарили ей драгоценности, которые могли заполнить десятки юрт, и скот, которого хватило бы на три года всему племени...

— Говорят, что среди её поклонников был даже наследный принц Лян, но мать выбрала нашего отца. Они полюбили друг друга с первого взгляда, и мать, не раздумывая, последовала за отцом. Тогда все говорили, что это союз, созданный небесами, пара, словно сошедшая с небес...

— Юэцзэ, ты знаешь, что случилось потом?.. — Циянь Хаои усмехнулся и продолжил:

— Позже мой отец, чтобы заручиться поддержкой могущественного племени кэрэитов, женился на дочери их хана как на главной жене, а моя мать стала лишь одной из его наложниц...

— Затем отец стал правителем Лян, а моя мать — одной из многих его наложниц...

— С тех пор, как я себя помню, мать почти никогда не улыбалась... Я тайно поклялся, что я, Циянь Хаои, женюсь только на той, кого люблю, и никогда не возьму наложниц...

Бай Юэцзэ, услышав это, искоса взглянул на Циянь Хаои.

Тот смущённо откашлялся и продолжил:

— Но когда мне исполнилось двенадцать, я понял, что многое в жизни от меня не зависит...

— В тот год мне было двенадцать, а сестре — пятнадцать...

В тот год Циянь Хаои было двенадцать, а Циянь Хаоцзинь — пятнадцать. С каждым годом его удивительный талант в боевых искусствах становился всё заметнее. Когда молодые принцы соревновались в боях, побеждал чаще всего именно четвёртый принц, чья мать происходила из скромного рода. Любовь правителя Лян к Циянь Хаои с каждым днём становилась всё сильнее.

В то время у правителя Лян было несколько дочерей, но только четыре сына. Пятый принц, Циянь Хэда, был ещё ребёнком, не успевшим даже отрастить косу, и он даже не мог ездить верхом. При дворе все гадали, кто станет наследником престола: старший принц Циянь Чжилюй, рождённый от главной жены, или любимый четвёртый принц Циянь Хаои. Второй принц, Циянь Дэгуан, оказался словно в тени.

Мать Циянь Хаои не хотела, чтобы её сын втянулся в борьбу за престол, но ради его безопасности она мечтала найти ему жену из могущественного рода. Как только Циянь Хаои исполнилось двенадцать, многие стали сватать своих дочерей, в том числе и клан Сяо с северо-востока.

Клан Сяо был потомками царской семьи Ляо. Пятьдесят лет назад Лян уничтожил Ляо, и клан Сяо покорился великому Ляну. За несколько десятилетий клан Сяо, используя влияние остатков бывшей династии Ляо, стал известным родом на северо-востоке Лян, но правитель Лян всегда относился к ним с подозрением. Хотя клан Сяо был известен, он не считался знатным. Сами Сяо понимали, что самый быстрый способ укрепить своё положение — это породниться с императорским домом Лян. Перебрав все варианты, они остановились на четвёртом принце Циянь Хаои.

У степных знатных родов мальчики могли жениться с десяти лет, а девочки — с двенадцати. Циянь Хаои как раз достиг возраста, когда можно было выбрать главную жену. Род его матери был слаб, и его влияние не шло ни в какое сравнение с положением старшего принца Циянь

Чжилюй и второго принца Циянь Дэгуан. Однако правитель Лян всё больше благоволил Циянь Хаои, и клан Сяо увидел в этом возможность. Вместо того чтобы ждать, пока правитель Лян найдёт повод для давления на них, они решили рискнуть, возможно, их дочь станет королевой Лян. Клан Сяо начал искать связи, чтобы угодить матери Циянь Хаои, и намекал, что даже если их дочь станет наложницей четвёртого принца, они будут рады.

Мать Циянь Хаои, обдумав всё, решила, что этот брак возможен. Хотя клан Сяо был влиятелен, их статус всегда вызывал опасения у правителя Лян, но, в конце концов, они уже давно покорились Лян. Если их дочь станет наложницей четвёртого принца, это не будет проблемой. Если правильно использовать влияние клана Сяо, будущее Циянь Хаои станет более обеспеченным. С другой стороны, если отказаться от этого брака, клан Сяо может стать врагом Циянь Хаои, и это будет ошибкой. Мать обсудила это с правителем Лян, и тот тоже посчитал это хорошей идеей.

Однако, когда Циянь Хаои впервые узнал о помолвке с кланом Сяо, он разозлил правителя Лян до того, что тот чуть не разрушил свой кабинет. Несмотря на все уговоры, Циянь Хаои оставался непреклонен: он женится только на главной жене и не возьмёт наложниц. Правитель Лян знал, что его четвёртый сын был во всём хорош: красив, силен, умен, но слишком прямолинеен. Если он что-то решил, его было трудно переубедить. С одной стороны, это была прямота степняка, но с другой — это было неумение уступать, что было большим недостатком для будущего правителя.

Мать Циянь Хаои не ожидала, что её сын так резко отвергнет этот брак, и начала беспокоиться. Правитель Лян применял и угрозы, и уговоры, постоянно напоминая Циянь Хаои о долге перед государством, и в конце концов тот сдался. Однако правитель Лян пошёл на уступку, пообещав, что в будущем Циянь Хаои сам выберет свою главную жену. И так Циянь Хаои неохотно обручился со старшей дочерью клана Сяо, Сяо Э Ли. Через три месяца они официально поженились.

[Перевод авторского комментария: Прозвище «Ноэнжия» — монгольское имя, означающее «драгоценная», традиционно ассоциируется с красотой и благородством.]

<http://bllate.org/book/17679/1648101>